

П

о моем глубокому убеждению, мемуарной литературы, особенно краеведческой направленности, много не бывает. Откровения, щедрые на детализовку «исторической правды», всегда в дефиците; это то, в хорошем смысле слова, чтиво, от которого не устает никогда, с сожалением прерываясь на извечные неотложные дела: кабы не они, залпом проглотилась бы книжка, проштудированная от корки до корки. При условии, конечно, что написана толково — интересно, честно, грамотно.

Именно таковую, под неприятным названием «Штрихи», подарил городу и миру воронежский поэт, прозаик, публицист Евгений Новичихин. Выпущенная «Издательским домом ВГУ» скудным тиражом в 500 экземпляров, она претендует на попадание если не в бестселлеры, то в раритеты точно; желающих иметь экземпляр в личном пользовании — в одном только городе-миллионнике явно больше пяти сотен. Но главное, конечно, не арифметика: количество и качество в творческом деле — часто антиподы.

«Написать и издать эту книгу о некоторых, уже ушедших из жизни, воронежских писателях второй половины XX века меня побудили несколько обстоятельств, — объясняет автор в предисловии. — Во-первых, никто из нас не вечен и, вполне возможно, завтра уже

некому будет о них рассказывать. Во-вторых, есть о ком и о чем рассказывать. И, наконец, в-третьих, сегодня такое время, что издать можно все, что угодно... Лжецы и сплетники существовали во все времена... Бороться с такими, с позволения сказать, публикациями можно только одним: правдой. А правда в том, что воронежская литература того периода является неотъемлемой частью большой русской литературы».

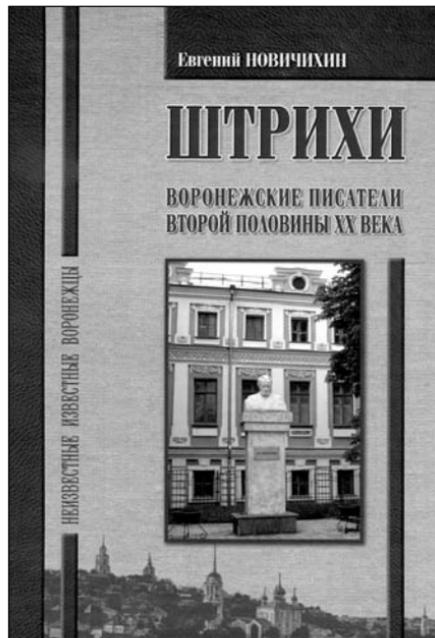
Таков посыл, предваряющий «переход на личности» — согласно «пунктам» биографии Новичихина. Евгений Григорьевич, и это момент принципиальный, посвящает главы мемуаров хорошо знакомым людям (а то и друзьям) — Гавриилу Троепольскому и Евгению Люфанову, Владимиру Гордейчеву и Алексею Прасолову, Юрию Гончарову и Ольге Кретовой... Персонажи повествования — сплошь фигуры знаковые, поэтому конкретика их человеческого и профессионального бытования не просто любопытна, но, без преувеличения, бесценна для понимания организации жизни и творчества воронежских мэтров.

Примечательна и стилистика изложения: Евгений Григорьевич ведет повествование неспешным, спокойным тоном, без надрыва и комикования. Если улыбается — то доброму; редкость по нынешним временам, падким на аффектацию и шоковую терапию.

«Ваня с самого начала работы в «Подъёме» показал себя как человек, довольно острый на язык, — читаем в главе «Радетель русского слова. Иван Евсеенко». — Одна из первых его шуток была связана с тем, что у Виктора Михайловича Попова практически не было волос на голове. Когда мы всей редакцией собирались за праздничным столом... Евсеенко непременно произносил свой коронный тост: «Пусть больше ни один волос не выпадет с головы главного редактора». Когда на этом посту Попова сменил я, тост Ивана видоизменился: «Пусть больше ни один волос не поседеет на голове главного редактора...» Книга не только ярко живописует героев, но и вытаскивает из небытия ключевые факты воронежского литературного процесса рассматриваемого периода, дает почувствовать атмосферу, в которой он вершился. Не исключено, литературное краеведение будет теперь изучать по Новичихину тоже: картинку он рисует в смачных подробностях, пусть и пунктиром. А «разоблачительные» строки сплошн проявляют истину и подоплеку тех некрасивых историй, которые, думаю, на памяти многих представителей местной интеллигенции.

Так, жестко разоблачается спекуляция на имени уважаемого прозаика Юрия Гончарова. «Будучи уже пожилым человеком, он однажды, мягко говоря, «прокололся», доверившись одному окололитературному аферисту». Тот, разговорив Юрия Даниловича, опубликовал в «Литературной России» (а где ж еще!) «Правду-матку от Юрия Гончарова». Оскорбительные оценки коллегам по писательскому цеху, произнесенные якобы устами мастера, настолько его шокировали, что здоровье, и без того небезупречное, дало роковой сбой...

Симпатичным видится и то обстоятельство, что автор, облеченный множеством литературных регалий, будучи непосредственным участником описываемых событий, нигде не выпячивает себя на первый план. Выступает в скромной роли свидетеля «дел давно минувших дней» и их коммента-

тора — не из желания себя показать, а от необходимости акценты расставить, смысловые и эмоциональные. Юнна Мориц в этой связи вспомнилась: «Ах, было бы кому взглянуть пристрасно, а беспристрастно незачем смотреть...»

Книга снабжена именным указателем, содержит произведения героев и фотографии, большинство из которых опубликовано впервые. Издание, являясь документально-художественным, оформлено без инородных в данном случае полиграфических изысков — функционально, стильно, интеллигентно. Досада же, книгой рожденная, описывается формулой «хорошо, но мало». С учетом того, что «Штрихи» — единица в серии, хорошо бы эту серию продолжить. Есть ведь, что написать и почитать о тех, кого новичихинский труд не «охватил»: Станислав Никулин, Виктор Панкратов, Олег Шевченко, Геннадий Лутков, Валерий Мартынов, Юрий Третьяков, Евгений Дубровин, Александр Ромахов... Ряд можно длить — и нужно. Обязательно. Чтобы помнили.